

Виноградова Наталя Михайлівна – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії, соціології та менеджменту соціокультурної діяльності Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського»

УДК:130.2+392(520)

СОЧЕТАНИЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО, ЭСТЕТИЧЕСКОГО И ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА В ТРАДИЦИЯХ ЯПОНИИ

Мифология является фундаментом каждого народа, который ее создал на определенных этапах своего исторического развития. Япония не является исключением из правил. Философия дзен-буддизма наложилась уникальный отпечаток не только на само проведение ритуала, но и на его поэтическое содержание. Утонченное философско-психологическое содержание поэтических и художественных произведений японских мастеров далеко превосходит западноевропейские образцы.

Ключевые слова: мифология, философия дзен-буддизма, эстетический феномен Японии, поэзия Японии.

ПОЄДНАННЯ РЕЛІГІЙНО-ФІЛОСОФСЬКОГО, ЕСТЕТИЧНОГО І ПОЕТИЧНОГО ФЕНОМЕНА В ТРАДИЦІЯХ ЯПОНІЇ

Міфологія є фундаментом кожного народу, який її створив на певних етапах свого історичного розвитку. Японія не є винятком з правил. Філософія дзен-буддизму наклала унікальний відбиток не тільки на саме проведення ритуалу, а й на його поетичне зміст. Витончене філософсько-психологічний зміст поетичних і художніх творів японських майстрів далеко перевершує західноєвропейські зразки.

Ключові слова: міфологія, філософія дзен-буддизму, естетичний феномен Японії, поезія Японії.

CONCENTRATION OF THE RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL, AESTHETIC AND THE POETHICAL PHENOMENON IN THE TRADITIONS OF JAPAN

Mythology is a base of every people who has created it during definite historical development. Japan is not exceptional case in rule. Zen-buddhism philosophy puts unique impress not only on the ritual, but its poetic content. Refinement philosophical and psychological content of Japan masters of poetry and fiction have excelled Western patterns.

Key words: mythology, Zen-buddhism philosophy, the aesthetic phenomenon of Japan, poetry of Japan.

Фактом, не подлежащим сомнению, является утверждение, что мифология есть фундамент каждого народа, который ее создал на определенных этапах своего исторического развития. Япония не является исключением из правил.

Правда, следует отметить, что мифология страны, изложенная в «Записях и делах древности» (Кодзики) и «Аннала» (Нихонги), была собрана и составлена по прямому указанию правителей этой земли, которых считают потомками верховной богини солнца Аматэрасу. Этим преследовалась цель закрепления и демонстрации прав императорского рода на единоличное руководство государством. Также через мифологические сказания создавались и родословные летописи знатных аристократических семейств и территориальных групп, объединенных в единое целое. Таким образом формировалась основа управленческого аппарата страны.

Знатные кланы вели свое происхождение от «небесных божеств» синтоистского пантеона и они весьма жестко пресекали любые попытки худородных фамилий нарушить сложившийся порядок. Тех же, кто хотел доказать свое высокое происхождение и титул (кабанэ), принуждали пройти церемонию очищения путем погружения своих рук в кипящую

воду. Считалось, что лжец не сможет пройти такое испытание.

Говоря о синтоистской генеалогии императоров, необходимо подчеркнуть ее родство с самим солнцем, символ которого хи-но-маро, что означает «солнечный круг». Правители и аристократические фамилии, чьи божества-предки вошли в пантеон и общегосударственный свод успешно подчинили религиозную жизнь страны светским властям и создали духовно-государственную модель управления японским социумом.

Принятие буддийского вероучения по распоряжению императора в VIII веке означало противостояние «культурное – природное», выраженное противостоянием божеств и правителя». Новая религия утвердила буддийские ценности и моральные заповеди как проявление «культурного», а что касалось «природного», то оно ассоциировалось с местными божествами – ками и природными явлениями.

«Культурность» сводилась к выполнению установленных правил, и «чем больше таких правил усвоил человек, тем он считался «культурней» [4, стр. 62]. Доминирование церемониальной функции императора над исполнительной стало отличительной особенностью устройства государственной власти в стране. Статус императора обязывал его отправлять многочисленные предписания и церемонии, которые, по сути, контролировали его образ жизни и поведение. Пришедший на смену табуациям синтоизма, они стали одним из главных источников социализации. В сознании японцев выполнение церемоний и повиновение государственным законам находятся и по сей день в неразрывной связи одно с другим.

Если «культурное» отождествляли с буддийско-конфуцианскими элементами, то «природное» – с сакральностью местных божеств (ками). Японцы верили, что поклонение ками обязательно, так и все происходящее в мире – это не следствие вмешательства рока, судьбы или общественных законов, а воля самих божеств.

Анализируя синтоизм и его оценочные критерии нравственности, следует отметить, что «хорошее» и «плохое» понимаются в нем как угодное или негодное ками. Понятие «должного» интерпретируется как «чистое», а понятие «запретное» – как «нечистое». Разделение между физической и моральной «чистотой» в данной религии почти стерты. Подтверждение сказанному является вторая группа японских мифов об обитателях Равнины высокого неба (Токамагахара), в которой повествуется о сестре (богине солнца Амаэрасу) и ее брате, (боге бури и водных просторов) Сусанно. Он совершает недопустимые действия по отношению к сестре: разрушает межи на полях, что по японским представлениям считается тяжким преступлением, далее оскверняет место во время исполняемого ею ритуала нового урожая, и, в довершение всего, бросает шкуру освежеванного им животного на ее территорию, когда сестра изготавливала священное облачение.

За эти преступления Сусанно был изгнан с Неба и отправлен в подземную Страну Корней (Нэ-но куни).

Особого внимания заслуживает третья, заключительная группа мифов. Речь идет о схождении на землю родоначальника императорской династии, внука богини Амаэрасу, Ниниги-но Микото, который получает повеление стать правителем Тростниковых Равнин (древнее название Японии). Эта земля изобиловала множеством «плохих ками» потому, что в ней царили беспорядок и хаос. После наведения в ней порядка, царственный внук Амаэрасу спускается на остров Кюсю и вступает в брак с дочерью местного божества. Его супруга дарит ему многочисленное потомство. Их внук стал первым императором страны, более известным под своим посмертным именем Дзимму. Традиция присвоения нового имени императору после его кончины сохраняется в Японии и сегодня. Однако, Дзимму-тенно, живший в V веке до н. э. был не только правителем; его считают создателем многочисленных литературно-поэтических творений, что наглядно демонстрирует важную роль поэзии в культуре японцев. Это кажется вполне естественным, потому что его прародителям Амаэрасу и Сусанно мифология приписывает авторство первых поэтических слов.

В сказаниях Японии упоминались случаи вступления в брак ками с людьми. От этих связей рождались дети. Дух божества и предка, естественно знатной семьи, воплощался в

ребенка, которому обязаны были проявлять не только уважение, но и гарантировать высокий общественный статус. Плодовитость предка-божества фиксировалась историческими хрониками, которые отражали всю его родословную. Документы скупрулезно перечисляли имена многочисленных жен и детей правителей. Причем любвеобилие и пылкость переживаний императора понималась как дело государственной важности.

Возвращаясь к синтоистским божествам, следует отметить, что их предназначение исчерпывалось деторождением, за которым следовала ссора и расставание супругов.

Неизбежность расставания – излюбленная тема классической поэзии, наполненная глубокими и многогранными переживаниями. Вдохновенно строки поэтов посвящены именно описанию ухаживания и неминуемого разрыва, а не грубым сторонам жизни влюбленных. Заметим, что в поэтическом фрагменте хроники «Нихон секи» есть эпизод, который, на первый взгляд, якобы имеет отношение к любовному приключению:

«... Не знаю лица,
Не знаю и ома того,
Кто повел
Меня в рошу
И спал там со мной»... [5, стр. 315]

Однако, сама хроника толкует эти строки как придворную интригу в результате которой, герой стихов погиб во дворце от рук врагов. На языке любовных игр описаны события абсолютно с ней не связанные, но имевшие серьезные политические последствия.

Ранний этап становления синтоизма имел отражение в обожествлении природных явлений, что свойственно всем древним культурам. Однако, превращение веры в камни в государственную религию Японии в VII – VIII веках являлось сдерживающим фактором распространения буддизма в стране на определенное время. Духи природы считались более могущественными, т. к. они не зависели от своего происхождения. Синтоизм признает, что любой предмет может стать синтай (т.е. тело божества) если в него вселится душа ками. Это может быть камень, зеркало (символ богини Аматарасу), меч (символ бога Сусанно), простая ветка дерева, горы. Священная гора Мива знаменита тем, что с ее вершины призывали духов-ками, в силу этого гора стала объектом поклонения. И сегодня восхождение на нее возможно только с территории святилища Саи при условии обязательного обряда очищения путем ритуального омовения в одноименной речке Мива, которая течет у подножья горы. Считается, что только после этого паломники могут благополучно миновать стража Кунодо, который охраняет эту священную территорию от злых духов. И хотя высота горы довольно внушительная, это не останавливает верующих преодолевать трудности и усталость, чтобы прикоснуться к священному и любоваться утренними божественными солнечными лучами. Этой горе посвящено множество великолепных образцов классической и современной японской поэзии.

«От того ль, что грех коснуться
Криптомерий, что чтят
Жрецы из Мива,
Где богам вино подносят люди, -
Мне с тобой встретиться так трудно».

Так как догматика не занимает особое место в синтоистской религии, то часто последовательность и логика изложения вероучения уступает чувствам, страстям, для чего используется язык образов и эмоций.

Японская поэзия символична, полна намеков и полутонов. Символы для читателей имеют важное значение. Знаменитый поэт XVIII века Мацуо Басё, мастер хокку, сложно воспринимается западным читателем, который не знаком с глубоким философским значением японских символов. Маленькие сюжетные миниатюры, изложенные всего лишь в 17 слогах хокку фантастически ёмки и эмоционально насыщены. Комментарии к ним зависят не только от самой философской культуры человека, но и от вложенных в них традиционных

религиозных и природных символов. Поэты широко использовали в произведениях образы животных и птиц. В японской мифологии птиц считают связующим звеном между шаманами и потусторонним мистическим царством.

«Повисло на солнце
Облако ... Вкось по нему –
Перелетные птицы» [5, стр. 189].

Как видим на примере данного стиха, рифма отсутствует, однако, есть главное – образ и символ, которые насыщены едва уловимыми намеками, обрисованы приглушенными красками. Обращаясь к знаменитым строкам Басё

«На голой ветке
Ворон сидит одиноко
Осенний вечер» [2, стр. 7].

Отметим, как легко и непринужденно в этих строках соединились две религии.

Дзен-буддийская отрешенность от мира символизирует одиночество птицы и содержит намек на достижение мастером чайной церемонии монахом Иккю, жившем в XV веке, состояние сатори (просветление), которого тот достиг в момент крика ворона. В японских символах ворон считается птицей солнца, предвестником просветленного сознания, наступившего в полночь. В этом поэтическом шедевре тонко переплелись и синтоистские и дзен-буддийские образы окружающего мира. Языческая синтоистская Япония демонстрирует точки соприкосновения человека с природой, находит возможности гармонического взаимоотношения в ней. В результате формируется ее эстетическое восприятие, при котором культивируется непреодолимое желание раствориться в ее божественной сути.

В синтоистской мифологии мир представлен единым целым, не подлежащим дроблению, а тем более разрушению. Исторические записи «Нихон секи» красочно изображают гнев божеств, который они обрушили на правителя, отдавшего приказ рубить лес, что привело к нарушению привычного порядка пространства.

Буддийский элемент неразрывно вплетен в дзе-буддийскую практику, в которой присутствуют эстетические идеи, сосредоточение на любовании божественными природными явлениями; «дождиком весенним» [2, стр. 163], «молнией в тьме ночной» [2, стр. 181], заснеженной равниной и т.д. Чайная церемония блестяще соединила в себе элементы религиозного, психологического, эстетического (любование древними свитками, чашками, цветочными композициями) и поэтико-философского мировосприятия. Эстетика простоты и близость к природе составляет в чайной церемонии единый ансамбль, включающий в себя чайный сад (тянива), маленький домик под соломенной крышей, оконные решетки из необработанного бамбука, расположенные на разном уровне и небольшого источника воды.

Философия дзен-буддизма наложила уникальный отпечаток не только на само проведение ритуала, но и на его поэтическое содержание. Четыре элемента – «гармония» (ва), «благоговение» (кей), «чистота» (сей), «умиротворенность» (дзаку) считаются обязательными для доведения этого искусства до совершенства. Чайная церемония – это искусство воплощения изящества Пустоты и Благости Покоя. Как утверждал мастер чайной церемонии монах, принц крови, Иккю, человек не выбирает какой-то один мир, не отказывается от своего естества, наоборот, цель практики заключается в гармонизации миров – страстного и бесстрастного. В просветленном сердце борьба утихает, два мира сливаются, и на мгновение, как вспышка, наступает тишина в бесконечном, все вмещающем пространстве.

Из мира страстей
В мир бесстрастия возвращаясь
Делаешь паузу.
Если идет дождь – пусть идет,
Если дует ветер – пусть дует

Во время чайной церемонии, которая длится примерно четыре часа, мастер подчеркивает, что главным блюдом на столе является не еда, а беседы о поэзии, любовании

пейзажними свитками и каллиграфией. Таким образом он подтверждает японскую мудрость «японские сладости – это съедобные стихи». Не случайно, угощение на церемонии названо кайсэки (запашный камень) потому, что монахи помещали себе на живот теплый камень для подавления чувства голода, которое неизбежно ощущалось во время многочасовых молитв и медитации.

Важность сохранения и передачи поэтического наследия проявляется у японцев самым неожиданным образом: карточные игры, игра в раковины, (когда на красивых створках моллюсков писали стихи, составляя поэтические композиции из них), поэтические турниры («состязания в изящном»), роспись стихотворными строчками на фарфоровых чашках для чайной церемонии. Карточные развлечения тираси-дори, гемпэй-дори, ута-гарута «песенные карты» на сюжеты «Ста стихотворений ста поэтов» прививают литературные и эстетические вкусы. Поэтическое наследие Японии погружает ее ценителей в мир изысканных образов и сравнений, в которых нет крикливых, вычурных и надуманных сравнений, зато присутствуют умиротворение, красота в ее естественности, мимолетности и простоте, печали одиночества. Дзен-буддийская отрешенность от мирской суеты, воплощена во внутренней сосредоточенности и отражена эстетическим понятием саби/ваби.

В комплексе чайной церемонии эстетическое понятие саби искусно вплетено в «следах времени» (наре), запечатленных в старинных предметах, о которых медленно и обстоятельно ведет рассказ мастер. Раритетные живописные произведения, свитки, покрытые иероглифами чашки, озвучивают поэтические шедевры и погружают участников церемонии в мир эстетических чувств, символических образов и философских размышлений.

Японская поэтическая антология – это не просто образцы лучших авторов, но и сочетание их стихов с соседними поэтическими строками других мастеров. Так как антологии формировались по указанию императорского рескрипта, то можно сделать предположение, что поэтические шедевры вдохновлялись и поддерживались лично правителями страны.

Характерной чертой японской литературы, по мнению некоторых исследователей, является компактность, максимальная приближенность и «близорукость», которые препятствуют отлету мысли, абстрактному мышлению японцев. Соглашаться с этим суждением или нет – дело личное. Однако, бесспорно то, что утонченное философско-психологическое содержание поэтических и художественных произведений японских мастеров далеко превосходит западноевропейские образцы. В VIII веке дзен-буддийский монах Хакуин разработал учение о «внутреннем взгляде». Истинным взглядом он считал не тот, который устремлен в пространство, а тот, который направлен внутрь самого человека, отражает его сущность. «Целое, даже если это сама Вселенная, намного лучше постигается через малое и единичное» [5, стр. 363]. Истинный взгляд этой религиозной практики направлен и сосредоточен на самого себя. Японец приближает к себе не Вселенную, а ее частичку, маленький фрагмент; не целое поле васильков, а всего лишь один из них, познавая через отдельное растение само целое, т. е. весь мир.

«О сколько их на полях.

Но каждый цветет по-своему –

В этом высший подвиг цветка!» [2, стр. 83].

Мацуо Басе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Альбедиль М. Ф. Зеркало традиций. Санкт-Петербург, 2003.
2. Басе. Лик вечерней луны. Стихотворения. – Харьков. «Фолио», 2013. – 254 с.
3. Мельникова Е. В. Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект). Диалог культуры. М., 2006. – 203 с.
4. Мещеряков А. Н. Статья японцем. Топография тела и его приключения. Москва. Издательство «Наталис». 2014. – 432 с.
5. Мещеряков А. Н. Книга японских символов. Москва. Издательство «Наталис».

2014. – 556 с.

6. Наркочевский А. А. Синто. – Санкт-Петербург, 2000, - 455 с.
7. Религия в истории и культуре. - Москва, 2000. - 592 с.
8. Синтоизм от А до Я. - Москва. Восток-Запад, 2007. – 312 с.
9. Тарнапольская Г. М. Эстетика Японии. – Томск: СибГМУ, 2008. – 32 с.
10. Японская мифология. Энциклопедия. – М.: ЭКСМО; СПб Миргород. 2007. – 464 с.

Гальченко Максим Сергійович – кандидат філософських наук, директор, Інститут обдарованої дитини НАПН України (Україна, Київ)

УДК: 130.2+159.955+316.61

КУЛЬТУРА МИСЛЕННЯ ЯК ФАКТОР ЗМІНИ СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ РЕАЛЬНОСТІ

В статті розглядається проблема мислення, соціоепістемологічний вимір якого складається з «категорій очевидності», властивих тій чи іншій культурі, тому або іншому суспільству, що відображають соціальну реальність і визначають спосіб її сприйняття. Сьогодні стверджується загальна теорія мислення, з позицій якої сучасна соціокультурна реальність постає в її складності, суперечностях і непередбачуваних можливостях перманентного розвитку. Здійснення процесу модернізації, вказує автор, приводить до зміни якостей ідентичностей класичної епохи, вони втрачають свій звичний характер. Одночасно змінюються етнічні утворення, політичні структури, а також істина, добро й краса, цінності загальнолюдської моралі.

Ключові слова: мислення, соціокультурна реальність, сучасність, цивілізація, розум, творчість, цінності.

КУЛЬТУРА МЫШЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается проблема мышления, социоэпистемологическое измерение которого состоит из «категорий очевидности», присущих той или иной культуре, каждому обществу, отражающих социальную реальность и определяющих способ ее восприятия. Сегодня утверждается общая теория мышления, с позиций которой современная социокультурная реальность возникает в ее сложности, противоречиях и непредвиденных возможностях перманентного развития. Осуществление процесса модернизации, показывает автор, приводит к изменениям качества идентичностей классической эпохи, теряющих свой традиционный характер. Одновременно меняются этнические образования, политические структуры, а также истина, добро и красота, ценности общечеловеческой морали.

Ключевые слова: мышление, социокультурная реальность, современность, цивилизация, разум, творчество ценности.

CULTURE OF HUMAN AS A FACTOR OF CHANGE SOCIO-CULTURAL REALITY

The article deals with the problem of thinking, the socio-epistemological dimension of which consists of "categories of evident" inherent in one or another culture, one or another society, reflecting the social reality and determining the way of its perception. Today the general theory of thinking is being confirmed, which provides the base for the modern socio-cultural reality in its complexity, contradictions and unpredictable possibilities of permanent development. The implementation of the process of modernization, the author points out, leads to a change in the qualities of the identities of the classical era, they lose their usual character. At